

УДК 94(411.16)

СОЮЗ ОБЪЕДИНЕННЫХ ГОРЦЕВ И ПРОБЛЕМА АВТОНОМИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1917-1920 гг.

© 2011 А.Г. Кажаров

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г.Нальчик

Поступила в редакцию 19.10.2010

В данной статье рассматриваются проблемы национально-государственного развития горских народов Северного Кавказа в условиях революции и гражданской войны в России в 1917-1920 гг.
Ключевые слова: национальная интеллигенция, государственность, автономия, Северный Кавказ.

Февральская революция 1917 г. положила начало распаду Российской империи и оказала существенное воздействие на ход и характер исторического развития народов Северного Кавказа. Реакция представителей горских народов была различной.

Ко времени революции немногочисленная интеллигенция народов Северного Кавказа фактически оказалась в стороне от политических процессов. Она не сумела организовать политическую партию, которая отстаивала бы национальные интересы горских народов. Она также не была допущена к органам административно-политического управления в регионе. При этом некоторые представители горской интеллигенции на страницах печати принимали активное участие в обсуждении актуальных проблем жизни народов Кавказа. В поле их зрения находились вопросы аграрных отношений, развития образования, здравоохранения и т.д. По-видимому, задумывались они и об административно-политических проблемах.

Это касалось в первую очередь эволюции взаимоотношений России и Северного Кавказа и корректировки его административно-политического статуса в рамках имперской государственности. В.Г. Джабагиев уже в 1905 г. считал целесообразным и необходимым «автономное самоуправление» Кавказа. «Опыт целого века показал уже достаточно наглядно – писал он, – что Россия не умеет управлять Кавказом, что она не умеет ориентироваться в местных условиях, не умеет примирять этнографические и религиозные противоречия. У нее не хватает ни инициативы, ни желания изучать и знакомиться ближе с подвластными народами: она занималась и занимается только внешней муштровкой, без всякого воздействия культурными средствами». Он считал, что автономия будет способствовать

национальному возрождению народов Северного Кавказа¹.

Анализируя взгляды представителей горской интеллигенции в контексте рассматриваемой проблемы, необходимо подчеркнуть, что они видели решение существующих проблем в рамках именно российской государственности. Сепаратистских настроений у них не было.

Исторических причин и предпосылок для жестко радикального позиционирования в национально-государственном контексте на Северном Кавказе не было. Во всяком случае, горская интеллигенция не являлась носителем таких идей. Характер ее политических действий в постфевральский период также подтверждает указанный тезис.

Объективно победа Февральской революции и либерализация политической системы России создали условия для развития национальных движений и реализации политических замыслов элит горских народов.

Группа представителей горской интеллигенции 5 марта 1917 г. собралась в г.Владикавказе для анализа ситуации, сложившейся в регионе после Февральской революции, и объявила о создании Союза объединенных горцев. Для обсуждения всего комплекса проблем было также принято решение о созыве съезда народов Северного Кавказа и подготовлен ряд важных программных документов².

Съезд открылся 1 мая 1917 г. в г.Владикавказе. На нем присутствовало около 300 делегатов, представлявших все народы Северного Кавказа и казачество. Съезд принял резолюции по самым животрепещущим проблемам: об отношении к войне, Временному правительству, другим народностям, о народной милиции, чиновниках, офицерах, праве ношения оружия, представительстве в Учредительное собрание, реформе школьного образования, печатном органе ЦК «Союза объединенных горцев» и т.д.³

Представители Союза объединенных горцев

*Кажаров Артур Гусманович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России.
E-mail: artur-kazharov@yandex.ru*

были практически уверены, что они смогут добиться автономии. Председатель съезда Б. Шаханов говорил: «Мы пойдем теперь рука об руку с великим русским народом, который провозгласил свободу и равенство всех народностей России. Различные народности России, объединенные в одно государственное целое, имеют свои культурные и национально-духовные особенности. Свободное государство даст возможность всем входящим в него народностям устроить свою жизнь на началах полного самоуправления, самоопределения и автономии. Но пределы и характер этой автономии определяются Учредительным собранием, и расширение этих границ до желательных для отдельных народностей пределов дается не без борьбы с элементами, стремящимися к сохранению наибольшей власти за Центральным правительством в ущерб окраинам. Поэтому мы, горцы, должны явиться в Учредительное собрание во всеоружии, как объединенная мощная организация, для того, чтобы отстоять такую форму республики, которая даст нам наиболее широкое самоуправление, широкую автономию».

Возникает вопрос: а можно ли указанные события интерпретировать как возникновение определенной формы государственности? С самого начала своей деятельности Союз объединенных горцев зарекомендовал себя активным политическим субъектом, ориентированным на конструктивный и тесный диалог со структурами и институтами официальной российской власти. Члены Союза объединенных горцев приняли непосредственное участие в конституировании местных органов Временного правительства и, тем самым укрепили новые государственно-политические реалии в регионе.

В данной связи возникают проблемы методологического характера. Т.П. Хлынина указывает, что «в отечественной историографии до сих пор отсутствует общепринятое мнение о том, что представляет собою сам термин «советская национальная государственность»⁴. То же самое можно сказать и о «не советской национальной государственности», проявления которой, как уже было указано выше, современные исследователи видят в самом факте образования «Союза объединенных горцев» и его деятельности в начальный период.

Традиционно в кавказоведении проблема государственности сводилась к возникновению и развитию определенных форм автономии, что означало самоуправление, наличие определенного коренизированного аппарата управления и т.д. Можно констатировать тот факт, что выражение «автономия есть форма государственности» стало существенным историческим фактором наци-

онального самосознания народов Северного Кавказа. Именно этим можно объяснить то обстоятельство, что теоретически «неидентифицированный» концепт даже сейчас является краеугольным для интерпретации многих проблем исторического опыта народов региона.

Ретроспективный анализ истории этого вопроса свидетельствует о том, что автономию можно требовать, сделать ее программной целью какой-либо политической силы или национального лидера. Ее можно получить и от центральной власти как средство и механизм административно-политического управления и форму национального самоуправления.

На первом съезде народов Северного Кавказа в мае 1917 г. проблема автономии звучала, но она не стояла в плоскости немедленной практической реализации или провозглашения. Более того, эта проблема напрямую связывалась с решением будущего Учредительного собрания.

В таких условиях важное значение приобретает анализ политики Временного правительства в национальном вопросе. В Декларации о его составе и задачах от 2 марта 1917 г., в которой перечислялись основные принципы деятельности, речь велась об отмене всех национальных ограничений. Но, видимо, это не имело отношения к проблеме автономии. При этом указывалось на необходимость «немедленной подготовки к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны»⁵. Таким образом, проблемы административно-политического устройства являлись делом будущего.

Анализ программных установок политических партий по национальным проблемам свидетельствует об их негативном отношении к различного рода национальным автономиям. Во всяком случае, применительно к народам Северного Кавказа ни одна из существующих партий не допускала мысли о возможности предоставления им каких-либо форм автономии.

Решение проблем государственного строительства на новых принципах, даже если бы этого и хотело Временное правительство, в условиях войны было невозможно. Россия и после Февральской революции продолжала принимать участие в мировой войне. С этой точки зрения Временное правительство представляется коллективным преемником Николая II, который в манифесте об отречении от Престола государства Российского указывал, что «...все будущее дорогого нашего Отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца»⁶. Такое мнение практически было и у многих членов Временного правительства, ни один

состав которого не решился прекратить участие России в войне. А в условиях войны ни одно ответственное правительство не будет кардинально менять фундаментальные основы функционирования государства и проводить меры по его децентрализации.

Временное правительство, как и Петроградский совет, недооценивали остроту национальных проблем. Тактика сдерживания и проволочек приводила к непрерывно нараставшей радикализации национальных движений на периферии⁷.

В связи с вышеуказанным представляется, что вряд ли имеются весомые аргументы для интерпретации событий весны 1917 г. на Северном Кавказе как «возникновение определенной автономной формы государственности».

Национально-государственные и политические перспективы народов Северного Кавказа во многом зависели от способности Союза объединенных горцев решать существующие в регионе проблемы. Пристального внимания требовал земельный вопрос, который в условиях Северного Кавказа питал межнациональную рознь и вражду. Настойчивые требования о неотложном его решении звучали в Дагестане и Чечне, Осетии и Ингушетии, Карачае и Балкарии. Но, «признавая в принципе, что земля должна принадлежать трудящемуся населению», первый горский съезд отложил решение аграрного вопроса до Учредительного собрания, выразив последнему пожелание, «чтобы при разрешении земельного вопроса «не был забыт шариат»⁸.

Укреплению позиций горской интеллигенции не способствовало и начавшееся размежевание в среде Союза объединенных горцев. Представители исламских кругов Чечни и Дагестана всерьез были намерены восстановить на Северном Кавказе имамат – шариатское государство, видя в нем единственное средство преодоления анархии и распада. Еще до открытия II съезда, 17 августа, Шейх Узун-Хаджи провел обряд избрания Н. Гоцинского имамом.

Обозначившийся раскол единого фронта, сформировавшийся в условиях свержения самодержавия и проведения первого съезда народов Северного Кавказа, удалось избежать.

М.-К. Дибиров пишет, что «часть учившихся по-русски дагестанских, не враждебная Нажмуддину, и часть алимов, чувствуя, что избрание имама повлечет за собой тяжелые последствия, обсудили на совещании этот вопрос и постановили переименовать имама в «муфти» – духовного отца. К этому они склонили и Нажмуддина Гоцинского»⁹.

Однако размежевание в среде этноэлит было делом времени. К началу осени 1917 г. ситуация в общем в России начинает ухудшаться. Времен-

ное правительство теряло свои позиции и на Северном Кавказе, что выражалось в ухудшении отношения к нему со стороны горской интеллигенции. Г. Бамматов после июльских событий 1917 г. заявил, что линия кадетов в области внутренней и внешней политики грозит совершенно дезорганизовать демократию, лишит революцию опоры¹⁰.

Для исправления ситуации Временное правительство активизировало свою деятельность. В сентябре оно выступило с декларацией, в которой обещало народам России право на самоопределение на основах, которые будут выработаны Учредительным собранием¹¹. На взгляд А. Каппелера, этот документ появился слишком поздно¹².

Либерально-демократический проект провалился в целом и на Северном Кавказе, но историческое значение его состояло в том, что в регионе обозначились предпосылки для формирования национально-государственного фундамента революционного процесса.

Свержение Временного правительства вызвало дальнейшее углубление кризиса власти на Северном Кавказе. Это было время, когда институты либерально-демократической власти практически были демонтированы, но конструирование органов власти леворадикальных сил еще не началось. В такой переходный период, характерными чертами которого были кризис и анархия, как ни странно, появились благоприятные условия для реализации национально-государственного потенциала горской интеллигенции и консолидации народов под знаменем Союза объединенных горцев.

Однако Союз объединенных горцев, видимо, не имел четкой и понятной программы действий. На антибольшевистской платформе были предприняты попытки объединения усилий с казачеством.

5 декабря была опубликована совместная декларация Войскового правительства и ЦК Союза объединенных горцев о создании с 1 декабря 1917 г. Терско-Дагестанского правительства, представляющего Терское казачье войско и Союз объединенных горцев Северного Кавказа, объявленные «автономными штатами» Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей.

Образование Терско-Дагестанского правительства, видимо, было политической ошибкой в условиях все продолжавшегося горско-казачьего конфликта. Не случайно после этого был убит один из лидеров терских казаков М.А. Караулов, со времени Февральской революции пытавшийся урегулировать проблемы горско-казачьих отношений. Мотивы его убийства заключались в том, что он якобы «продался азиатам», т.е. горцам. Б. Байтуган назвал его жерт-

вой союза, выразившегося в создании Терско-Дагестанского правительства¹³.

Национальный вопрос, актуализировавшийся после Февральской революции как проблема взаимоотношений горских народов с казаками, во многом предопределил характер национально-государственных процессов на Северном Кавказе в постоктябрьский период.

Именно для решения этого вопроса, трансформировавшегося в конце 1917 г. в конфликт и кровопролитие, был созван первый съезд народов Терека, положивший начало советизации региона и конституирования Терской Республики.

Инициатива проведения съезда народов Терской области принадлежала «Военно-революционному комитету» Сунженского отдела. Необходимость съезда связывалась с тем, что в крае царят безвластие, насилие и произвол, а национальное движение туземных народов области – чеченцев и ингушей, вызвало кровавый пожар войны. Задачей съезда провозглашалось создание в крае твердой народной власти и прекращение «резни между казаками, солдатами, крестьянами, рабочими и туземными трудовыми народами!». Но при этом оговаривалось: «Участвует в съезде все население Терской области: казаки, крестьяне, воинские части, рабочие и все трудовые народы, кроме племен, восставших против мирных граждан, нагло попирающих человеческие права и законы и не желающих жить дружно с прочими жителями»¹⁴.

Первый съезд народов Терека работал в Моздоке 25-31 января 1918 г. и положил начало кристаллизации леворадикальных сил, признавших советскую власть в регионе.

С точки зрения анализа национально-государственных процессов важное значение имеет второй съезд народов Терека (февраль-март 1918 г.), который в ходе своей работы и в основных решениях довел до логического завершения те тенденции, которые обозначились на первом (Моздокском) съезде.

Особенное значение имели два неразрывно связанных решения – признание власти советов, установившейся в центре, и принятие к руководству в области земельного вопроса положений Закона о социализации земли, утвержденного III Всероссийским съездом Советов. Эти решения предвещали неизбежное обострение социальных и национальных противоречий. Во многом указанные решения усложнили и национально-государственные процессы.

Съезд избрал высшие органы власти и управления – Терский Народный Совет, в составе которого было предусмотрено специальное представительство от народов, населяющих республику и Совет Народных Комиссаров во главе с Н. Буачидзе.

С самого начала происходит столкновение СНК Терской республики и Терско-Дагестанского правительства. В феврале 1918 г. Терский Совнарком своим декретом постановил, что «все... распоряжения, издаваемые т.н. Терско-Дагестанским правительством, исполнению не подлежат». Орган советской власти объяснял это тем, что оно «несмотря на образование народной власти, продолжает издавать свои декреты и распоряжения и тем самым идет вразрез с волей народа, ясно выраженной на Моздокском съезде».

В апреле 1918 г. «Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана» выступил с обращением к ряду государств Европы с просьбой о признании Горского правительства. Тогда же представитель германского правительства генерал фон-Лоссов, специально командированный на Кавказ, поставил вопрос перед Союзом объединенных горцев об образовании Горской Республики для последующего признания ее участниками намечаемой в мае Батумской международной конференции.

11 мая 1918 г. на конференции было объявлено о создании Горской Республики и о ее признании Оттоманской Турцией и Германией. В этот же день была принята «Декларация об объявлении независимости Республики Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана (Горской Республики)».

Легитимность объявления независимости Горской Республики авторы Декларации обосновывали, во-первых, решениями съезда народов Северного Кавказа, состоявшегося еще в мае 1917 г., на котором было заявлено «об образовании Союза Горцев Кавказа». По мнению авторов Декларации, указанный съезд «вручил исполнительную власть настоящему правительству». Во-вторых, представители Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана воспользовались «признанным самим Петроградским правительством правом за всеми народами бывшей империи царей свободно создавать свою политическую будущность»¹⁵.

Существуют некоторые сомнения в обоснованности такой интерпретации Горским правительством решений указанного съезда, ибо он не вручал исполнительную власть Союзу объединенных горцев. Съезд высказался за неразрывную связь с революционной Россией. С этой точки зрения, состоявшийся в начале 1918 г. два съезда народов Терека фактически подтвердили линию на союз с Россией. Признание советской власти и образование Терского совнаркома, т.е. правительства, являются тому подтверждением. Однако эти обстоятельства не учитывались Горским правительством.

Вызывает большой интерес, а каково было отношение самих горских народов к объявлению

независимости. В это время легитимными структурами, выражавшими мнение горцев, по-видимому, являлись народные съезды, Терский Народный Совет и СНК Терской области.

По этому вопросу была принята специальная резолюция Терского Народного Совета: «Терскому Народному Совету из телеграмм стало известно, будто делегаты Северного Кавказа, находящиеся в Константинополе, объявили независимость Северного Кавказа и нотифицировали ее перед императорским турецким правительством и другими державами.

Терский Народный Совет в составе фракций: чеченской, кабардинской, осетинской, ингушской, казачьей и иногородней удостоверяет, что народы Терского края никогда, никого и никуда для указанной выше цели не делегировали, что если отдельные лица, находящиеся ныне в Константинополе, выдают себя за делегатов народов Терского края и действуют от имени этих народов, то это является с их стороны не чем иным, как самозванством и авантюрой.

Терский Народный Совет в составе перечисленных фракций заявляет, что народы Терского края составляют неотъемлемую часть Российской Федеративной Республики».

Тем не менее 13 мая 1918 г. правительство Горской Республики направило правительству РСФСР ноту о создании Горской Республики и отделении ее от России.

В своем протесте от 15 мая Советское правительство отказало в признании независимости Горской Республики, мотивируя свой отказ тем, что народы, проживающие на этой территории, на своих национальных съездах высказались за неразрывную связь с Российской Федерацией¹⁶.

Лидеры большевистской партии очень негативно высказались в адрес инициаторов провозглашения независимой Горской Республики. В частности, Сталин в статье «Положение на Кавказе» от 23 мая 1918 г., акцентируя свое внимание на отсутствии политического авторитета их в регионе, назвал Т. Чермоева и Г. Бамматова, подписавших Декларацию о независимости, «воскресшими из мертвых». При этом он уделял большое внимание решениям съездов народов Северного Кавказа, признавших советскую власть¹⁷.

III съезд народов Терка, состоявшийся в Грозном в конце мая, принял резолюцию с подтверждением о признании советской власти. В нем говорилось, что «Терская республика в братском единении со всеми свободными народами и республиками Северного Кавказа и России и на платформе признания рабоче-крестьянской власти заявляет о своей нерасторженности с Российской Советской Республикой...»¹⁸.

Несомненно, объявление независимости повлияло на политику советской власти по вопросам национально-государственного строительства народов Северного Кавказа. Эта проблема становится фактором международной политики Советского государства. С учетом изменившихся условий советской власти необходимо было укреплять свои позиции в регионе. При этом она должна была сформулировать национально-государственную составляющую своей политики на Северном Кавказе.

В мае 1918 г. представители большевиков на Северном Кавказе предпринимают активные шаги для консолидации народов региона под своими лозунгами. Был поставлен вопрос об объединении всего Северного Кавказа в одну Советскую республику, а в июле 1918 г. на I Северо-Кавказском краевом съезде советов было принято решение об объединении Кубано-Черноморской и Ставропольской советских республик в Северо-Кавказскую республику. Но Терская советская республика оставалась самостоятельной¹⁹.

Терская Республика имела стратегическое значение для центральной советской власти. Ее можно было противопоставить независимой Горской республике, ибо именно здесь были сконцентрированы многие горские народы.

К лету 1918 г. положение и Терской, и Горской Республик ухудшилось. Горское правительство пыталось найти поддержку в Германии и Турции. По-видимому, эти усилия не увенчались успехом. Дипломатический представитель Горского правительства Г. Бамматов в письме председателю правительства Тапе Чермоеву писал: «...у Германии, по-видимому, состоялось соглашение с Россией, неблагоприятное для нас. Германия получает свободу действий в Закавказье, отделение коего признается большевиками взамен невмешательства Германии в вопросе Северного Кавказа». Позиции Горской Республики были ослаблены и появлением внутренних противоречий между членами ее правительства.

Не увенчались успехом переговоры между представителями Горской и Терской Республик. В начале ноября 1918 г. комиссары Терской Республики прибыли в Тифлис для переговоров, которые велись в течение трех дней. В них принимали участие П. Коцев и В.-Г. Джабагиев. Представители Горского правительства выдвинули неприемлемые для большевиков требования об отказе от советской власти, уничтожении совдепов, признании лишь рабочих профессиональных союзов и независимости Северного Кавказа²⁰.

Оккупация территории Северного Кавказа Добровольческой армией в феврале 1919 года фактически положила конец и Терской, и Горской республикам. При этом обращает на себя

внимание то обстоятельство, что именно идея независимой государственности фактически была обречена на неудачу. Б. Байтуган отмечал теоретическую неразработанность идеи независимости и отсутствие для ее практического проведения «организационных кадров»²¹. Однако более значимым обстоятельством, повлиявшим на ее судьбу, представляется отсутствие прочной социальной базы для реализации такого государственно-политического проекта.

Статья подготовлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 гг.».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Долгиева М.Б. Жизнь, творческое наследие и эволюция взглядов Вассан-Гирея Джабагиева. Назрань, 2000.
- ² Терский вестник. 1917. 6 мая.
- ³ Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С.37.
- ⁴ Хлынина Т.П. Становление советской государственности у народов Северного Кавказа. 1917-1937 гг.: проблемы историографии. М., 2003. С.9.
- ⁵ Россия. XX век. Документы и материалы: Кн.1. М., 2004. С.117-118.
- ⁶ Там же. С.119.
- ⁷ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад: Пер. с нем. М., 1996. С.293-294.
- ⁸ Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927. С.15.
- ⁹ Дибиров М.-К. История Дагестана в годы революции и гражданской войны. Махачкала, 1997. С.30-31.
- ¹⁰ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг.), Горская республика (1918-1920 гг.). (Документы и материалы). Махачкала, 1994. С.29, 63-66.
- ¹¹ Исаков С.М. Российские мусульмане в социальных и межнациональных отношениях 1917 года России // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999. С.264-265.
- ¹² Каппелер А. Указ. соч. С.294.
- ¹³ «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана // Вопросы истории. 2001. №5. С.25.
- ¹⁴ Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917-1922 гг.). Нальчик, 1983. С.66-68.
- ¹⁵ Тахо-Годи А. Указ. соч. С.61-62.
- ¹⁶ За власть Советов! Документы и материалы из истории гражданской войны в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1967. С.20.
- ¹⁷ Сталин И.В. Сочинения. Т.4. М., 1947. С.97-98.
- ¹⁸ Борьба за советскую власть в Северной Осетии (1917-1920 гг.). Орджоникидзе, 1957. С.98.
- ¹⁹ Озова Ф.А. Северо-Кавказская республика: причины возникновения и ликвидации // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917-1941 гг.). Майкоп, 1995. С.44-45.
- ²⁰ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг.), Горская республика (1918-1920 гг.). (Документы и материалы)... С.9.
- ²¹ «Кристаллизация» горского освободительного движения... С.19.

THE ALLIANCE OF UNITED HIGHLANDERS AND THE PROBLEM OF THE AUTONOMY OF THE NORTH CAUCASUS PEOPLES IN 1917-1920

© 2011 A.G. Kazharov

Kabardino-Balkaria State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik

In this article the author analyzes the problems of the national-state development in the North Caucasus during the Revolution and the Civil War in Russia in 1917-1920.

Key words: ethnic intelligentsia, statehood, autonomy, North Caucasus.